Газета православного Прихода
храма святого великомученика
и целителя Пантелеимона
посёлка КУЗЕДЕЕВО

Издаётся по благословению
Преосвященнейшего Владимира,
епископа Новокузнецкого и
Таштагольского

Свет Православия

С престольным праздником!

№ 71
Август 2015 г.

9 августа—день памяти святого великомученика и целителя Пантелеимона

В номере:

- Св. вмч. и цел. Пантелеимоне с.2
- О подвижниках последнего времени с.3
- Происхождения Честных Древ Животворящего Креста Господня с.4
- Семь святых мучеников Маккавеев с.4
- Успенский пост с.5
- Еще об исповеди с.6
- Преподобный Антоний Римлянин с.6
- Преображение Господне с.7
- Рассказ «Яблоки» с.7
- Успение Пресвятой Богородицы с.8
- Собор Кемеровских святых с.8
- История Православной Церкви с.9-10

Святой великомученик и целитель Пантелеимон

Целитель Пантелеимон – христианский святой, почитаемый в лике великомучеников. Он родился в городе Никомидии в семье знатного язычника Евсторгия, при этом его мать, святая Еввула, была христианкой. Она хотела воспитать сына в христианской вере, однако рано умерла, когда он был еще подростком.

Святой Пантелеимон в житии. Икона. XIII век. Монастырь святой Екатерины на Синае

Родители будущего святого назвали его Пантолеоном («по всему лев»), так как хотели воспитать его мужественным и бесстрашным. Отец отдал его в начальную языческую школу, окончив которую, молодой человек стал обучаться врачебному искусству у знаменитого в то время в Никомидии врача Евфросина, после чего стал известен императору Максимиану (284-305 н.э.), который, оценив его профессиональные качества, способность к красноречию и хорошие манеры, захотел сделать его придворным врачом.

В то время в Никомидии проживали тайно священномученики пресвитеры Ермолай, Ермипп и Ермократ, уцелевшие после сожжения 20 тысяч христиан в Никомидийской церкви в 303 году и страданий священномученика Анфима. Св. Ермолай неоднократно видел Пантолеона, проходившего мимо его убежища. Однажды он пригласил его к себе и рассказал о христианской вере – после этого разговора будущий целитель стал регулярно приходить к св. Ермолаю, беседуя с ним.

Однажды Пантолеон увидел на улице мертвого ребенка, которого укусила ехидна, еще не успевшая отойти от него. Он начал молиться Господу Иисусу Христу о том, чтобы Он воскресил умершего и умертвил ехидну, твердо при этом решив, что в случае исполнения просимого, примет Крещение и станет христианином. Ребенок ожил, а ехидна разлетелась на куски – и все это произошло на глазах у Пантолеона.

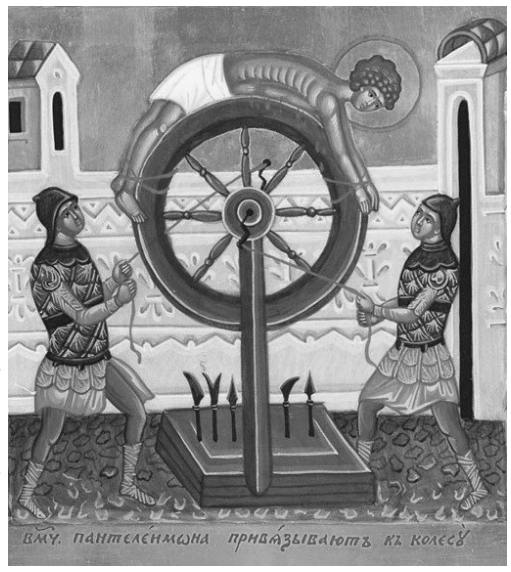
После этого он был крещен св. Ермолаем с именем Пантелеимон, которое означает «всемилостивый». Его отец Евсторгий также крестился чуть позже, когда увидел, как его сын исцелил слепого призыванием имени Иисуса Христа. К тому же, став христианином, Пантелеимон часто беседовал со своим отцом, разъясняя ему основы христианской веры.

Когда Евсторгий умер, святой решил посвятить свою жизнь больным, нищим и страждущим. Он лечил всех, обращавшихся к нему, исцеляя их Именем Спасителя. Он приходил к узникам в темницы и лечил их – особенно это касалось христиан, которыми в то время были переполнены тюрьмы. В скором времени слух о милостивом враче распространился по всему городу и жители больше не обращались к другим врачам, а искали встречи с целителем. Тогда врачи из зависти донесли императору о том, что святой лечит христианских узников.

Мученичество

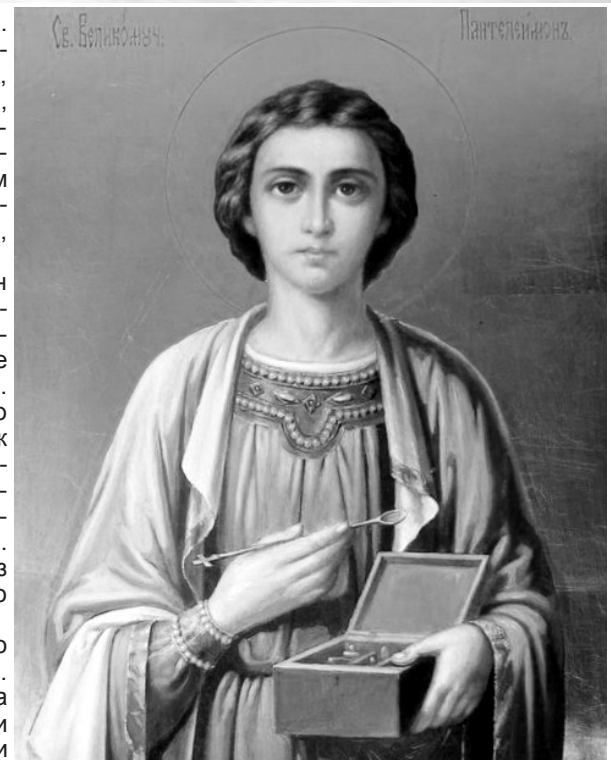
Император Максимиан уговаривал святого опровергнуть донос и принести жертву идолам, доказав тем самым верность язычеству. Но Пантелеимон открыто исповедал себя христианином – кроме этого, он прямо на глазах императора исцелил расслабленного.

Император Максимиан, ожесточившись, приказал казнить исцеленного, а



святого целителя подверг жестоким пыткам. Его повесили на дереве и рвали тело железными крюками, растягивали на колесе, обжигали свечами, бросали в кипящее олово. Однако после всех этих истязаний святой оставался невредим, и Господь неоднократно являлся ему и укреплял его. К слову, в это же время перед языческим судом предстали пресвитеры Ермолай, Ермипп и Ермократ, которые исповедали себя христианами и были обезглавлены.

Далее святого Пантелеимона привели в цирк и бросили на растерзание диким зверям – но они лизали его ноги и стремились прикоснуться к нему, отталкивая друг друга. Видя это, зрители поднялись с мест и стали кричать: «Велик Бог христианский! Да будет отпущен неповинный и праведный юноша!». После этого император приказал своим воинам убить всех, кто славил Иисуса Христа, причем даже зверей, не тронувших святого мученика. Святой Пантелеимон при этом воскликнул: «Слава Тебе, Христе Боже, что не только люди, но и звери умирают за Тебя!»



Разъяренный Максимиан приказывает отрубить великомученику голову. Его привязали к масличному дереву, после чего святой начал молиться. Один из воинов ударил его мечом, но меч стал мягким, как воск, и не причинил великомученику никакого вреда. Пораженные чудом, воины закричали: «Велик Бог христианский!». В это время Господь еще раз открылся святому, назвав его Пантелеимоном, «многомилостивым», вместо прежнего имени Пантолеон. После этого воины упали на колени перед мучеником и просили прощения – палачи отказались продолжать казнь, но святой повелел выполнить приказ императора. Тогда воины, целуя его руки, со слезами простились с ним. А когда мученику отсекли голову, из раны вместе с кровью истекло и молоко, а маслина, к которой он был привязан, расцвела и одновременно заплодоносила. Многие свидетели этого стали впоследствии христианами. Тело святого было брошено в костер – но осталось неповрежденным.

Слуги великомученика Лаврентий, Вассой и Провиан видели его казнь и слышали Голос с Неба. Они написали повествование о жизни, страданиях и кончине святого великомученика.

Почитание

Глава святого Пантелеимона хранится в Русском Афонском Свято-Пантелеимоновом монастыре, в соборном храме его имени. Частицы его мощей находятся во многих городах России. В Никомидии в день его памяти совершается торжественный крестный ход с чудотворной иконой святого, в этот день сюда съезжаются тысячи людей и привозят сотни больных в надежде исцеления. В церковной книге, хранящейся в Никомидийской митрополии, зафиксировано тысячи автографов греков, турок, итальянцев и армян, получивших исцеление по молитвам великомученику.

Великомученик Пантелеимон почитается в Православной Церкви как грозный святой, покровитель воинов. Эта сторона почитания раскрывает его первое имя Пантолеон, «лев во всем». Второе имя, данное при Крещении - Пантелеимон, то есть «всемилостивый», раскрывается из почитания великомученика как целителя. У западных христиан он считается покровителем врачей. Связь этих двух покровительств вытекает из той логики, что воины, чаще других получающие раны, более всего нуждаются во врачевании.

Имя святого великомученика и целителя Пантелеимона призывается при совершении таинства Елеосвящения, освящения воды и в молитве за немощного.

Почитание святого мученика в Русской Православной Церкви известно уже с XII века. Князь Изяслав, сын святого Мстислава Великого, имел изображение великомученика Пантелеимона на своем шлеме. Заступлением святого он остался жив в войну 1151 года. В день памяти великомученика, 9 августа по новому стилю (27 июля по старому стилю) русские войска одержали две морские победы над шведами (в 1714 году при Гангаузе, в 1720 году при Гренгаме).

Дмитрий БОРИСОВ

http://www.nsad.ru/articles/svyatoj-velikomuchenik-i-celitel-panteleimon

О русском Свято-Пантелеимоновом монастыре на Афоне

В истории христианства есть святые, без которых невозможно представить духовный образ России, хотя они никогда не были в России и не являлись русскими. Это, в первую очередь, святитель Николай Мирликийский, апостол Андрей Первозванный, великомученик Георгий Победоносец. Рядом с этими святыми именами необходимо поставить и никомидийского великомученика Пантелеимона, любовно названного на Руси — Целителем.

Согласно сохранившимся афонским актам, усиление почитания Целителя Пантелеимона на Руси в XII веке возможно связывать с передачей в 1169 году русскому скиту Богородицы (Ксилургу) на Афоне «на вечные времена» опустевшей афонской обители Фессалоникийца, которую греки и поныне называют Россикон.

Существует аргументированное предположение, что в 988 г., если не ранее, на Святой горе Афон уже существовал монастырь святого великомученика Пантелеимона во главе с игуменом Леонтием Фессалоникийцем. От которого и пошло второе название монастыря, упомянутое в древнейших афонских актах, обитель Фессалоникийца.

В хрисовуле византийского императора Андроника Палеолога, датируемом 1312 годом, ктитором «находящейся на св. горе честной обители Россов, чествуемой во имя св. Пантелеимона» назван сербский правитель. Дело в том, что именно в этом древнейшем афонском монастыре возникла и окрепла духовная связь русского и сербского народов.

В русском монастыре на Святой горе Афон принял постриг величайший сербский святой — первосвятитель Савва Сербский (в миру царевич Растко, сын царя Стефана Неманича I).

В память об этом, один из его преемников, сербский царь Стефан Душан в 1347 году даровал русской обители, в знак благоволения, главу святого великомученика Пантелеимона. Которая являлась родовой святыней сербского царствовавшего дома, о чем сообщалось в присланном хрисовуле:

«Царство мое посвящает обители Россов святую главу святого славного страстотерпца, бессребреника и целителя Пантелеимона, которая имеет на себе плоть, и которая засвидетельствована не только от отца моего и царя, но и от прежде его бывших царей, также от патриархов».

С этого времени честная глава великомученика неизменно пребывает в русском Свято-Пантелеимоновом монастыре. Для этой святыни в монастыре в 1812 году был заложен и в 1819 году освящен вселенским патриархом Григорием V величественный кафоликон в византийском стиле, в алтаре которого находится ковчег с честною главой.

За всю многовековую историю честная глава Целителя Пантелеимона только лишь трижды покидала пределы Афона.

Первый раз — в начале XIX века ее перемещали в пределы Молдовлахии (Дунайских княжеств) для молитвенной помощи в борьбе против турок.

Второй раз — в 1996 году (в разгар перестройки) мощи были принесены в Москву.

И третий раз — в 2000 юбилейном году — святой Пантелеимон посетил три столицы Российского государства: Киев, Санкт-Петербург и Москву. Что сочли знамением единства Русской земли, знаком того, что Целитель Пантелеимон молится за всю Россию, не разделяя ее границами СНГ.

Ульянов О.Г.

http://afonfond.ru/svyatye-relikvii-afona

О ПОДВИЖНИКАХ ПОСЛЕДНЕГО ВРЕМЕНИ

27 июля 1980 года, 35 лет назад, отошел ко Господу известный духовник и подвижник схиигумен Савва (Остапенко). Отец Савва был духовником архимандрита Рафаила (Карелина), и встречу с ним отец Рафаил считал «самым большим событием в своей жизни».

Господь сподобил отца Рафаила знать и других старцев и людей высокой духовной жизни, как в Грузии, так и в России, – о них он рассказал в своей книге «На пути из времени в вечность». Мы обратились к отцу Рафаилу с вопросом: кого из них можно поставить в особенный пример современным христианам?

В Псалтири сказано: «Предста Царица одесную Тебе, в ризах позлощенных (разноцветных), приукрашена». По святоотеческому толкованию Царица – это Церковь, разноцветные ризы – различные виды служения, приукрашена – сияющая красотой Духа Святого. Благодать едина, но проявляется в разнообразных действиях и дарованиях. Подвижники нашего времени, о которых я писал в своих воспоминаниях, были едины в главном: в незыблемой преданности Православию, самоотдаче людям, жертвенности и постоянном стремлении стяжать и хранить в сердце Божественную благодать как самое большое сокровище. Но у каждого из них были свои особые дарования, своя индивидуальность, поэтому мне трудно сравнивать их друг с другом и говорить о том, кого из них я считаю лучшим примером для христиан нашего времени.

Митрополит Зиновий (Мажуга)

Митрополит Зиновий (Мажуга) не имел образования ни богословского, ни светского, но отличался глубокой мудростью, которую стяжал монастырским послушанием и исихией. К нему обращались за духовной помощью, молитвенной поддержкой и советом архиереи из других Поместных Церквей как к своему наставнику и старцу. Можно сказать, что его духовная высота и святость были очевидны, как свет зажженного светильника. От юности он был монахом-аскетом и остался таким же до смерти, не изменив после архиерейской хиротонии своего продолжительного молитвенного правила, которое исполнял преимущественно по ночам, а затем присутствовал почти всегда на Литургиях, которые служились ежедневно в храме святого Александра Невского. Владыка Зиновий всю жизнь мучился незаживающими ранами на ногах, которые получил еще в молодости в ссылках и тюрьмах – в этих лагерях смерти, и от боли проводил многие ночи без сна, но скрывал это от людей.

Владыка Зиновий многих тайно материально поддерживал, притом без просьб, как бы духом узнавая их нужды

Владыка казался прирожденным архиереем. Его вид внушал уважение даже неверующим, но с этим духовным величием соединялись глубокое смирение и простота. Богослужения он совершал всегда торжественно и благолепно. Необыкновенным был его взгляд. В глазах чистых, как кристалл, отражалась ясность его души, и в то же время его взгляд был проницательным, иногда строгим, а чаще сострадательным и грустным, будто он видел глубину человеческого сердца. Владыка Зиновий отличался милосердием: он многим тайно подавал милостыню, что стало известно особенно после его смерти. Люди рассказывали, что он материально поддерживал их в самых трудных обстоятельствах, притом без просьб, как бы духом узнавая об их нуждах. Он не оставлял своим милосердием не только живых, но и мертвых. На Литургии он долго вынимал из просфор частицы за усопших, как будто хотел накормить сотни голодных, собравшихся у порога храма. Он не читал помянник, так как знал имена наизусть – хранил их в своей памяти, а точнее в сердце. В эти минуты мне казалось, что молитва митрополита извлекает души усопших из ада и возвращает от смерти к жизни.

Жизнь владыки Зиновия – напоминание нам о том, что главной силой является благодать Божия, а не знания и таланты

Такие люди, как митрополит Зиновий, были даром Божиим для нашего времени, как праведный Иоанн Кронштадтский для той эпохи, когда призраки грядущих бедствий нависли над землей и Российскую империю начали потрясать бури революции. Владыка Зиновий был послан нашим современникам как напоминание о том, что в христианстве главной силой является благодать Божия: где ее нет – там все знания и таланты бессильны, а где она – там вера становится животворящей и победоносной.

Мне хотелось бы отметить великого подвижника схиигумена Савву (Остапенко). Его жизнь была продолжительной молитвой, его сердце соединилось, как бы срослось с именем Божиим. Он учил Иисусовой молитве – этому огненному деланию – всех, кто приходил к нему за советом и с исповедью. В нем удивительным образом уживались радость и скорбь. Он всегда был радостным, как бы светился внутренним духовным огнем и согревал им других. В то же время он глубоко скорбел о людских грехах, о том, что люди забыли о главном – о вечной жизни, о спасении души в Боге – и променяли благодать на земной прах. Его молитва за весь мир, особенно за духовных чад, была похожа на личное покаяние, как будто грехопадения совершили не они, а он сам.

Отец Савва учил Иисусовой молитве всех, кто приходил к нему за советом и с исповедью

Многие вспоминали, что когда подходили к дверям келлии отца Саввы, то их охватывал какой-то мистический трепет, ожидание таинственного и необычайного и вместе с тем страх, что они не подготовлены к этой встрече. Некоторые признавались, что темная сила в это время безмолвно вопила: «Бегите отсюда куда хотите, делайте что хотите, только держитесь подальше от этого места».

Когда служил отец Савва, люди чувствовали не только духовно, но и физически действие благодати

Когда служил отец Савва, то люди чувствовали не только духовно, но и физически действие благодати. В общении с отцом Саввой человека охватывало чувство глубокого покоя и тишины, все проблемы и сомнения исчезали, мир водворялся в сердце, как будто его прошения уже исполнены. Во время богослужения казалось, что за каждым молитвенным возгласом отца Саввы ангел-хранитель алтаря безмолвно произносит: «Аминь».

Однажды я видел, как владыка Зиновий и схиигумен Савва беседовали в приделе алтаря Александро-Невского храма. На их лицах вспыхивали и скользили световые блики необычайной белизны, как будто луч с Фавора, пройдя через пространства и века, осиял их своей красотой.

В наше время гордыни и тщеславия кротость отца Парфения вызывает особое удивление – и восхищение

Архимандрит Парфений (Апциаури)

Я с любовью вспоминаю архимандрита Парфения, который с детства избрал монашеский путь, прошел ступени монастырского послушания и пустынножительства, приобрел опыт борьбы с демоническими силами и страстями, был исповедником веры в самое тяжелое время кровавых гонений на Церковь, когда верующие подвергались еще неслыханному в истории преследованию и геноциду. Я хотел бы отметить его кротость в общении с людьми. Он относился к своим духовным чадам с таким смирением, с каким духовные чада должны относиться к своему наставнику. В наше время гордыни и тщеславия его кротость вызывает особое удивление и, я сказал бы, восхищение. Его жизнь была безмолвным уроком для окружающих его людей, и многие не сразу, а спустя годы после его смерти осознали эти уроки, поняли величие кротости и смирения.

От архимандрита Парфения веяло благоуханием тишины, будто он носил в своей душе тишину пустыни, в которой провел долгие годы. Он с кротостью переносил несправедливости и оскорбления, молчаливо принимал удары даже от близких людей, через которых демон хотел вывести его из молитвенного состояния, возбудить гнев и негодование, разрушить то, что он стяжал многолетними трудами. Он представлялся мне агнцем, которого окружала стая волков, но не могла коснуться его. Смирение всегда победоносно: внешне уступая, оно выигрывает духовный бой.

Отец Гавриила безбоязненно говорил правду – то, чего так боится и что ненавидит мир

Подвиг блаженного Гавриила (Ургебадзе) был подобен подвигам древних юродивых, обличавших грехи царей и несправедливости судей. Он безбоязненно говорил правду – то, чего так боится и что ненавидит мир, ищущий наслаждения в страстях и грехах. Он мог обличить в лицо самого высокопоставленного сатрапа, как бы хватал льва за гриву, не задумываясь, что может сделать его своим врагом.

В нашу эпоху, называемую новым временем, человек закомплексован обычаями и законами этого богоборческого мира. Двойственность становится характерной чертой современных людей и – что хуже всего – значительной части христиан. Ложь стала восприниматься как мудрость, безразличие к злу и снисходительность к разврату – как человеколюбие, постоянное актерство, прятанье мыслей под наигранными словами – как этика и культура общения. Новая мода современности – это культ уродства и бесстыдства, в который включаются даже вовсе не глупые люди – из-за боязни, что в случае протеста они окажутся в глазах мира обскурантами, фанатиками и невеждами, отставшими от своего века, как бы опоздавшими на скорый поезд прогресса. Эгоизм и прагматизм становятся философией жизни, кажется, что они проницают всю атмосферу земли, которой дышит человечество. Маски окружают человека повсюду – от рождения до смерти. Его жизненный путь проходит по «картинной галерее» грехов и

Архимандрит Рафаил (Карелин)

пороков, образы и семена которых он несет в своем сердце.

Архимандрит Гавриил, находясь в миру, казался свободным от мира. Он отверг его владычество

Архимандрит Гавриил, находясь в миру, казался свободным от мира. Он отверг его владычество, как разрывают липкую паутину, принял подвиг юродства, словно посвящение в духовное рыцарство, и мир отступил от него. Надо сказать, что он обличал пороки людей только в глаза, нередко в резкой форме, бил словами, как ударами клинка, угрожая проклятием Божиим тем, кто не хотел исправиться. Однако за глаза он не осуждал никого, кроме себя самого, приписывал себе грехи, которых на самом деле не совершал, и пороки, которых не имел.

Те, кто исповедовались у отца Гавриила, вспоминали, что открывать ему грех и даже самые постыдные падения было легко: само сердце раскрывалось перед ним. Люди уходили от него с облегчением и радостью, как будто тяжелую ношу, давившую плечи, сложили у его ног. Народ интуитивно чувствовал духовную силу и дерзновение к Богу этого подвижника. Сразу же после смерти, еще до канонизации, началось паломничество к его могиле.

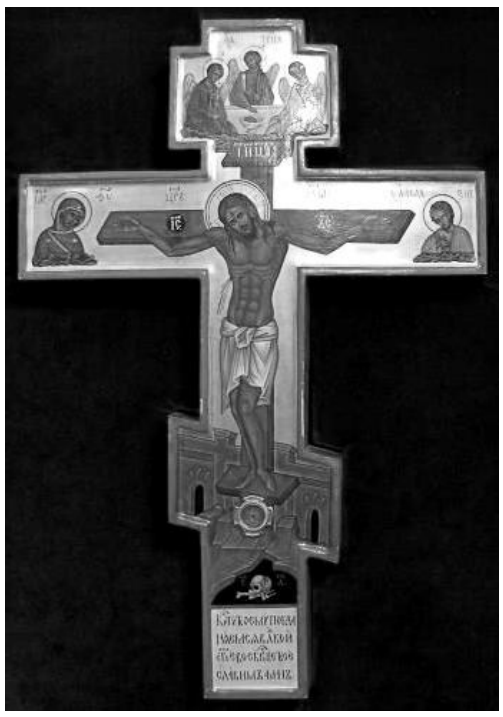
Я отношусь с большим уважением к духовнику Глинской пустыни отцу Серафиму (Романцеву). В этом старце сочетались строгость и милосердие, душевная мягкость и духовная твердость; он мог утешить скорбящего несколькими словами, поднять павшего и как бы вдохнуть в него новые силы, смирить гордого, указать на скрытые ямы, которые лежат на духовном пути человека, и подробно объяснить, как обнаружить и обойти их. Было замечено, что непослушание отцу Серафиму со стороны духовных чад оборачивалось для них несчастьями и нравственными падениями. Общение с подвижником – это не только радость и утешение, но ответственность: оно похоже на общение с огнем, который светит и согревает, но при неосторожном и небрежном обращении может опалить и сжечь.

В наше время я не вижу подвижников, подобных тем, о которых писал. Это не значит, что их нет. Вероятно, они есть и продолжают подвиг своих отцов, но сокровенно. Я просто не вижу их, а может быть, и не ищу. Старцы, о которых я писал, окончили земную жизнь, но духовно пребывают с нами. Они пример для современников, но для меня, прежде всего, обличение моей нерадивой жизни: я имел доступ к сокровищнице, но не взял оттуда ничего и остался нищим.

Архимандрит Рафаил (Карелин)

http://www.pravoslavie.ru/put/80880.htm

О ПРАЗДНИКЕ «ПРОИСХОЖДЕНИЯ ДРЕВА ЧЕСТНОГО И ЖИВОТВОРЯЩЕГО КРЕСТА ГОСПОДНЯ»



В некоторых месяцесловах празднование «Происхождения Древа Честного и Животворящего Креста Господня» отождествляется с «Празднеством Всемилостивому Спасу и Пресвятой Богородице Марии». Этим самым дается повод думать, что оба празднества не имеют никаких своих особенностей и представляют в сущности одно и то же празднование, известное под двумя различными наименованиями. Но подобная мысль совершенно неправильна. Это для нас станет ясным и несомненным, если мы рассмотрим сущность и повод установления этих двух различных празднеств.

Обратимся к празднику «Происхождения Честных Древ Креста Господня». Мы говорим: «Происхождение Древа Честнаго и Животворящего Креста Господня». Однако слово «происхождение» не совершенно правильно и представляет неточный перевод греческого слова προοδος, которое буквально означает «предъисхождение», «несение впереди» древа или части от подлинного Креста Господня. Уже в самом наименовании этого празднества есть намек на его содержание. О происхождении этого праздника в греческом Часослове 1838 года говорится следующее: «По причине болезней, весьма часто бывавших в августе, издавна в Константинополе утвердился обычай выносить Честное Древо Креста на дороги и улицы для освящения мест и отвращения болезней. Накануне, 31 июля, износя его из царской сокровищницы, полагали на св. трапезе Великой церкви (Софии). С настоящего дня и далее, до Успения Богородицы, совершали литии по всему городу и крест предлагали народу для поклонения. Это и есть предъисхождение (προοδος) Честнаго Креста». С этим обычаем соединялся другой — освящать в придворной Константинопольской церкви воду первого числа каждого месяца, за исключением января, когда освящение воды совершалось 6-го числа, и сентября, когда оно бывало 14 числа. Эти два обычая и легли в основу празднования 1 августа «Происхождения Честных Древ Креста Господня» и торжественного освящения воды.

Первого августа совершается также празднование Всемилостивому Спасу, Христу Богу нашему, и Пресвятой Богородице Марии, Матери Его, установленное в 1158 году в России при митрополите Киевском Константине, а в Греции — при Царьградском патриархе Луке. Поводом к установлению этого празднования в России послужила победа, одержанная при великом князе Андрее Боголюбском русскими войсками над волжскими болгарами 1 августа, а в Греции — победа в один и тот же день греческого императора Мануила над магометанами-арабами или сарацинами.

Всякий раз, когда только приходилось благочестивому русскому князю Андрею Боголюбскому отправляться в поход на неприятелей, он брал с собой икону Пресвятой Богородицы и Честный Крест Господень. Был у него и другой благочестивый обычай, тесно связанный с только что указанным. Прежде чем вступить в кровавую битву, он выносил св. икону Богоматери с Честным Крестом к своим войскам и вместе с ними, пав на землю, возносил к Богоматери слезную молитву:

— *О, Владычице, родившая Христа Бога нашего! Всякий уповающий на Тебя не погибнет; и я, раб Твой, имею Тебя по Бозе стену и покров, и Крест Сына Твоего — оружие на врагов обоюду острое. Умоли держимого Тобою на руках Спасителя мира, да будет сила крестная как огнь, попаляющий лица сопротивных, и Твое всесильное предстательство да поможет нам победить врагов наших.*

После этой молитвы сам князь Андрей, а за ним и все его воины лобызали святую икону Богоматери и Честный Крест Господень. Потом только с твердой надеждой на помощь Божию и заступничество Пречистой Богоматери они дружно устремлялись на врагов.

Так было и первого августа 1158 года. Войска князя Андрея Боголюбского, одушевленные молитвой своего любимого предводителя и поддерживаемые небесной помощью, отважно бросились на волжских болгар и скоро одержали над ними полную победу. Вид погибших соратников не омрачал их радостных мыслей, вызываемых столь благоприятным исходом кровавого столкновения. Когда русские воины возвратились с поля битвы в свой стан, они были поражены дивным видением: огненные лучи, исходившие от Честного Креста и св. иконы Божией Матери, своим блеском озарили все войско. Тогда русские полки, обрадованные этим чудесным знамением, еще с большим мужеством и отвагой стали преследовать своих врагов: они сожгли и опустошили до пяти их городов, оказавших сопротивление и не пожелавших добровольно сдаться, наложили на жителей дань, обычную в то время, и после этого возвратились с торжеством на родину.

С этим довольно крупным событием в жизни Руси совпало другое не менее важное событие в Греции. В том же 1158 году греческий император Мануил принужден был выступить со своими войсками против сарацин, намеревавшихся покорить под свою власть Грецию. Осуществление этого их намерения повело бы за собой многочисленные бедствия для греков: помимо того, что они потеряли бы свою политическую самостоятельность, они понесли бы еще и большую утрату — лишились бы своей святой христианской веры, вместо которой должны были бы исповедывать магометанскую веру своих победителей. Первого августа император Мануил видел от Честного Креста и иконы Богоматери, которые он брал с собой в поход, чудо подобное вышеописанному — огненные лучи, озарявшие своим блеском все войско. И когда после этого была одержана победа над неприятелем, греческий император Мануил всецело приписал ее чудесной помощи Божией.

Между греческим царем и русским князем в то время не прекращались письменные сношения. Поэтому князь Андрей Боголюбский скоро узнал о чудесном событии в Греции, а греческий император Мануил — о подобном же чуде в России. Оба они прославили Бога за одновременно явленное над ними обоими чудодейственное промышление Его, а потом после совета со своими архиереями и сановниками решили установить 1-го августа празднество Господу и Пречистой Его Матери.

Итак, из сделанного нами краткого описания повода и содержания совершаемых первого августа двух празднеств ясно видно, что оба они различны по своему характеру и установлены по совершенно различным причинам: одно празднество установлено в связи с распространившейся смертоносной эпидемией, а другое — по поводу чудесного видения и победы над врагом. Поэтому-то в «Житиях», составленных митрополитом Московским Филаретом, не отождествляются эти два празднества, но одно из них называется «Происхождением Древа Честного и Животворящего Креста Господня», а другое «Празднеством Всемилостивому Спасу, Христу Богу нашему, и Пресвятой Богородице Марии, Матери Его».

В Русской Церкви это празднество соединилось с воспоминанием Крещения Руси 1 августа 988 года. В "Сказании действенных чинов святыя соборныя и апостольския великия церкви Успения", составленном в 1627 году по повелению Патриарха Московского и всея Руси Филарета, дается такое объяснение праздника 1 августа: "А на происхождение в день Честного Креста бывает ход освящения ради водного и просвещения ради людского, по всем градам и весем".

Известие о дне Крещения Руси сохранилось в хронографах XVI века: "Крестися князь великий Владимир Киевский и вся Русь августа 1".

По принятому ныне в Русской Церкви чину малое освящение воды 1 августа совершается до или после литургии. Вместе с освящением воды совершается освящение меда (т. н. первый медовый Спас: "Спас на воде", "Мокрый Спас"). С этого дня благословляется вкушение его нового сбора.

Евгений Поселянин

http://www.pravoslavie.ru/put/060813204648.htm

СЕМЬ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ МАККАВЕЕВ: АВИМ, АНТОНИН, ГУРИЙ, ЕЛЕАЗАР, ЕВСЕВОН, АЛИМ И МАРКЕЛЛ, МАТЬ ИХ СОЛОМОНИЯ И УЧИТЕЛЬ ИХ ЕЛЕАЗАР

Память 14 августа.

Семь святых мучеников Маккавеев: Авим, Антонин, Гурий, Елеазар, Евсевон, Адим и Маркелл, мать их Соломония и учитель их Елеазар пострадали в 166 году до Рождества Христова от нечестивого сирийского царя Антиоха Епифана. Приверженный к эллинскому культу, Антиох Епифан ввел в Иерусалиме и всей Иудее языческие обычаи. Он осквернил храм Господень, поставив в него статую языческого бога Зевса Олимпийского, к поклонению которому принуждал иудеев. Многие отпали тогда от Истинного Бога. Однако были и такие, которые глубоко скорбели о падении народа Божия и продолжали верить в грядущее пришествие Спасителя. Девяностолетний старец - законоучитель Елеазар, который за приверженность к Моисееву закону был судим, с твердостью пошел на мучения и скончался в Иерусалиме. Такое же мужество показали ученики святого Елеазара - семь братьев Маккавеев и их мать Соломония. Они были судимы в Антиохии царем Антиохом Епифаном, где, бесстрашно признав себя последователями Истинного Бога, отказались принести жертву языческим богам. Старший из отроков, дававший первым ответ царю от имени всех семи братьев, был предан ужасным истязаниям на глазах у остальных братьев и их матери; остальные пять братьев один за другим претерпели те же мучения. Остался седьмой брат, самый младший. Антиох предложил святой Соломонии склонить отрока к отречению, чтобы ей остался хоть последний сын, но мужественная мать укрепляла и его в исповедании Истинного Бога. Отрок решительно отклонил ласкательства царя и так же твердо перенес муки, как его старшие братья. После смерти всех детей святая Соломония, стоя над их телами, воздела руки с благодарной молитвой Богу и скончалась. Подвиг святых семи братьев Маккавеев воодушевил Иуду Маккавея, и он поднял восстание против Антиоха Епифана и с помощью Божией одержал победу, очистив Иерусалимский храм от идолов. О всех этих событиях повествуется во 2-й Книге Маккавейской, входящей в состав Библии. Похвальные слова святым мученикам Маккавеям посвятили отцы Церкви - святители Киприан Карфагенский, Амвросий Медиоланский, Григорий Назианзин и Иоанн Златоуст.

http://days.pravoslavie.ru/Life/life4362.htm

ОБ УСПЕНСКОМ ПОСТЕ И О КРЕСТЕ ХРИСТОВОМ

Снова по милости Божией вступаем мы в Успенский пост. Пост этот самый краткий и самый сладкий. Начинается он с освящения меда, потом будет освящение плодов. И самый легкий этот пост, потому что Божия Матерь заботится о том, чтобы иго Христово было для нас легким. И заботится о теле нашем так же, как и о душе.

Начинается пост с освящения меда, чтобы мы знали не только о той сладости, которую Господь дает для тела, но и о сладости духовной. Чтобы сладость, которая исходит от Креста Христова, открылась нам в течение поста. Как некогда в Ветхом Завете в горькие воды Мерры опускалось древо, и они становились сладкими, приятными. Так да будет со всей нашей жизнью — от прикосновения Креста Христова к ней горечь ее да изменится в сладость.

Мы начинаем пост с поклонения Кресту Христову, потому что Успенский пост есть размышление о тайне смерти и о тайне жизни, земной и вечной. Чтобы эта тайна стала сладостной для нас, чтобы глубже открылась этим постом. День 1 августа по старому стилю, с которого начинается Успенский пост, считается днем крещения Руси. А крещение — это и есть такое погружение в воду крестную, благодать Христову, так что открывается людям тайна Креста и они готовы все принести Господу, и жизнь, и смерть свою, чтобы всегда быть с Ним. Вы знаете, что мученики всегда изображаются на иконах с крестом. И жизнь каждого человека тоже завершается крестом. Над нашей могилой будет стоять крест, если мы сподобимся этой милости. Дай Бог, чтобы крест вырастал из всей нашей жизни. Чтобы это было древо жизни, которое мы тоже питаем, принимая участие в том, что Христос совершил.

Весь Успенский пост — крестный. Начало Успенского поста — Крест, и в середине его — Крест, Преображение Господне, с его светом, возвещающим об исходе, который Господь должен совершить в Иерусалиме. И праздник Нерукотворного образа Спасителя, который является как бы завершением этого нашего пути, — тоже праздник Креста. Потому что Господа «не приняли, как имеющего вид идущего в Иерусалим» (Лк. 9, 51), и пречистый лик Его светит нам на фоне Креста. Церковь готовит нас Крестом к принятию тайны исхода Божией Матери. Потому что Ее Успение — это раскрытие победы Креста Христова, неотделимой от Его Воскресения.

Да, чем больше любовь, тем больше скорбь, как говорят святые отцы. Но в праздник Успения Божией Матери вспоминаются слова великого подвижника, которого ученики его нечаянно застали на молитве с преобразившимся лицом, и на их настойчивые вопрошания, что с ним случилось, он ответил: «Я был там, где стоит у Креста Господня Божия Матерь с возлюбленным учеником. И я хотел бы пребывать там умом всегда». Где Крест Христов и Его Воскресение, — красота всех добродетелей, расцвет души человека и тела его. Радость души, которую Бог дает — не так, как мир дает. И чистоты тела, причастного телу Христову и Божией Матери, знающего, что оно — храм Духа Святого (1 Кор. 6, 19).

Мы молились в течение всего поста, чтобы Господь сохранил нас от двух самых главных бед, которые угрожают сегодня всему роду человеческому, в особенности нашему русскому народу. От греха уныния и от греха нечистоты, нецеломудрия. И тот и другой грех стоит один другого. Это самые страшные грехи, потому что, как мы знаем, грех уныния — это тьма всех грехов вместе взятых. А грех нечистоты, когда он достигает того, что мы видим сегодня, естественно должен нам напомнить о первой кончине мира, когда Господь поставил предел физическому существованию рода человеческого, сказав: «Не вечно Духу Моему быть пренебрегаемым человеками сими, потому что они плоть» (Быт. 6, 3).

Будем преодолевать всякое уныние, потому что Христос все победил. И смысл нашей жизни заключается в одном-единственном: чтобы мы через крестные скорби вошли в Его победу. Вслед за мучениками, вслед за всеми, кто узнал тайну Креста. И нет нам причины унывать, потому что Божия Матерь предстательствует сугубо за всех нас пред Господом.

Чтобы мы не унывали, чтобы мы имели мужество противостоять всякому растлению, Церковь предлагает нам сегодня задуматься о том, что совершилось у Креста Господня. Над теми словами, которые говорит Господь, видя Матерь

Свою, стоящую у Креста, и ученика, которого Он любит: «Жено, се сын Твой». Господь обращается к Своей Матери в самый скорбный, самый горький для Нее час.

Почему самый горький? Потому что Она предает Богу Отцу Сына Своего, рожденного от Ее плоти. И то пророчество, которое некогда было сказано Симеоном Богоприимцем о том, что Ей Самой душу пройдет оружие, исполняется сейчас. Она предает Богу Отцу Своего Сына, и что остается Ей на земле? Вместо Него Она получает другого человека. Может ли такая замена, если можно так выразиться, утешить Ее? Господь дает Ей, уходя из этой земной жизни, того, кого Он любит. В лице апостола Иоанна Богослова, как мы знаем, Церковь видит всех христиан, и, в конце концов, весь род человеческий.

В лице апостола Иоанна Богослова Бог отдает Пречистой Своей Матери вместо Себя — Ее Сына — все человечество. Ее девственное материнство в рождении Сына Божия становится у Креста материнством для всего рода человеческого. Вот тайна жизни — благодатью Креста на место Сына Единородного становится все человечество. Весь человеческий род, как говорит святой Ириней Лионский, призван стать единородным сыном Божиим по дару Христа. Это страшные, непостижимые слова, но на Кресте Господь воистину совершает наше спасение. И благодать Его искупления, изливаясь на Божию Матерь и на всех людей, делает всех людей в новом рождении, в самом глубочайшем реальнейшем смысле братьями и сестрами, чадами Божией Матери.

В этом новом рождении раскрывается тайна девства. Всякое человеческое материнство имеет ограниченное число детей, которые рождаются по плоти. А благодать Приснодевства Божией Матери совершает непостижимое. Благодатью Приснодевства Ее материнство охватывает всех людей. У Божией Матери девственное материнство. Оно девственное, потому что связано с Ее Божественным Сыном. И оно охватывает всех людей по этой же причине.

Будем размышлять сегодня и во все дни жизни нашей о тайне материнства и девства, которые подвергаются небывалому осмеянию и поруганию в сегодняшнем мире. Нет выше добродетели, говорит преподобный Серафим Саровский, чем подвиг девства. Тем более это верно во времена всеобщего растления.

Однако всякое девство несет на себе печать Божественного, того, что превосходит всякое человеческое естество. Только тогда оно плодоносно, когда является выражением любви ко Господу и отдачей Ему всей своей жизни. Девство, которое на этом не основано, даже если оно по видимости имеет любовь к чистоте, остается просто бесплодием. Точно так же всякое подлинное христианское материнство — девственно, если оно не человеку, а Богу приносит свой высший дар, не ограничиваясь лишь человеческими отношениями, но прежде всего отдавая себя радостно своему Творцу.

Не забудем никогда, что слово, которым Господь вверяет Своего ученика Своей Матери, произнесено с высоты Креста. И будем помнить слова, сказанные Господом на Кресте возлюбленному ученику: «Се Мати твоя». Господь отдает Свою возлюбленную Матерь Своему возлюбленному ученику. Это действие совершенной любви, и оно простирается не только до смерти, до Ее исхода отсюда и до его кончины. Это действие совершенной любви, которое не будет иметь конца. Точно так же действие этой любви, этого усыновления нашего Божией Матери у Креста Господня — навеки.

И у Креста раскрывается также тайна девства. Девство — тайна будущего века, говорят нам святые отцы. Здесь, на земле, когда кто-то совершает подвиг девства, мы видим только воздержание, лишение. Но даже здесь оно — участие в избыточествующей жизни будущего века, когда оно совершается ради Христа. В приобщении той чистоте и той любви, которая у Самого Господа. Девство во Христе всегда связано с послушанием Господу, то есть с любовью к Нему. По мере возрастания нашего в послушании всем заповедям Божиим мы научаемся целомудрию и чистоте. И наоборот, непослушание хотя бы одной заповеди растлевает человека. А разврат телесный — это уже поражение всего человека, и души, и тела, всей личности его. Поэтому так страшен этот грех, и потому сатана, прежде чем придет антихрист, прежде чем наступит Второе Пришествие Христово, являет самое гнусное зло в высочайшей степени.

Девство — и в этом суть — не заключается только в умерщвлении плоти, но в обретении способности стать любящим человеком, в научении этому у Господа, у Божией Матери, у возлюбленного ученика Христова. Девство — это не есть жизнь, которая превозносится над браком, которая презирает плоть. Напротив, перед лицом Крестной жертвы Христовой, где Господь всего Себя приносит для спасения всех, в своей любви ко Господу человек сознает незначительность своего приношения, исполняется подлинным смирением. Христианское девство имеет своим началом Крест. На Кресте Господь раскрывает самым близким Своим ученикам сокровенные тайны жизни до скончания века. Поэтому откровение Божие говорит о ста сорока тысячах девственников, избранных Господом, которым вверяются все тайны жизни. Они являются любимыми во веки веков друзьями Господа.

Но мы видим, что у Креста Христова стоят не только Божия Матерь и не только возлюбленный ученик, девственник Иоанн Богослов, но еще две Марии. Мария Магдалина и Мария Клеопова. Мария Магдалина — это грешница, из которой Господь изгнал семь бесов, то есть полноту грехов. А полнота грехов, как мы видим, заключается в растлении и души, и тела. Эта грешница — одна из тех, ради кого Господь совершил весь Свой путь до Креста. Ради которой Он пришел на землю, чтобы обратить ее и подобных ей на Свой путь. Чтобы она тоже стала девственницей, как мы в Великую Среду поем: «Господи, иже во многие грехи впадшая жена, Твое ощутившая Божество, мироносицы вземше чин, с рыданием миро Тебе на погребение приносит». И блудница растленная, исповедует Церковь, становится непорочной девственницей — по дару Божию, силой Духа Святого.

И стоит там также Мария Клеопова. Тоже избранная Господом стоять у подножия Креста. Мы ничего не знаем о ней. Она не отличается какой-то особенной чистотой, какой-то особенной святостью, и грехов особенных, страшных у нее тоже нет. Она представляет собою как бы всех Марий, всех женщин и всех людей. Каждую душу человеческую, — среднюю, так сказать, — которая совершенно неприметно живет скромной жизнью, старается по мере сил своих что-то исполнять. И взор Господа всегда обращен не только к Пречистой Его Матери, не только к возлюбленному ученику, девственнику Иоанну Богослову, не только к великой грешнице, которую Он очистил от самого страшного греха. Господь видит также и Марию Клеопову.

Если Крестные страдания Господа — страдания за всех, то всякий человек, самые безвестные скромные люди могут стоять, и призваны все стоять у подножия Его Креста. Потому что Церковь Божию составляют не только те, кто от юности Христа возлюбил и сохранил чистоту, или те, кто от исключительных своих страшных грехов, как Мария Магдалина, как преподобная Мария Египетская, приведен Христом к покаянию, но также неизвестные, незаметные по видимости люди. Но надо, чтобы каждый из нас увидел в себе всю нечистоту, ради которой Господь воплотился и принял страдания, все множество грехов, за которыми стоят семь бесов.

Совершенная чистота, говорит святитель Игнатий Брянчанинов, даруется тому, кто видит свою нечистоту и всем сердцем оплакивает ее, обращаясь ко Господу о даровании чистоты. И к Божией Матери. Надо, чтобы каждый из нас приобщился той чистоте, которая у Нее и которая у возлюбленного ученика Христова. Благодатью Креста Господь вверяет всех людей Божией Матери, чтобы Она как Мать участвовала в приведении всех людей к Его Кресту и в уподоблении Ему через Его Крест и через собственный наш крест. Через соединение всей нашей жизни и смерти с Его жизнью и смертью.

Бесконечный свет Божества исходит от Креста Христова и наполняет собой девство и материнство Божией Матери, тайну Ее Успения, жизнь и смерть каждого человека, любящего Христа, то есть ищущего Его через исполнение святых Его заповедей. Потому что в них заключена жизнь вечная (Ин. 12, 50) Воскресения Христова и Богородичной Пасхи.

Протоиерей Александр Шаргунов

http://www.pravoslavie.ru/smi/63434.htm

Ещё об исповеди

Двадцать лет я совершаю Таинство исповеди. За эти двадцать лет я могу вспомнить не более двух десятков случаев, когда исповедь была настоящим «Таинством второго крещения», когда люди свидетельствовали перед Крестом и Евангелием подлинную метанойю (греч. перемена сознания) переменяли свою жизнь и не возвращались более к исповеданным тяжёлым грехам. И все эти исповеди совершались отдельно от Литургии, в пустом храме, без очереди за спиной исповедника. И в такой исповеди и мною, и исповедующимся христианином явственно ощущалась радость совершающегося Таинства, любовь и милость Христа, невидимо соприсутствующего нам.

Совершенно очевидно, что такое великое церковное действие невозможно в рамках нашей общепринятой исповеди перед причастием, и не только потому, что последняя совершается в условиях “поджимающего времени” в окружении большого количества людей, но прежде всего потому, что такое покаяние – действительно духовное событие, равнозначное Таинству Крещения, и оно не может и не должно совершаться каждую неделю.

Что же происходит на нашей исповеди перед причастием? Ещё в начале 90-х годов прот. Владимир Воробьёв здесь всё разложил по полочкам. Предпричастная исповедь – это смесь из дисциплинарного фильтра по допуску к Чаше (или, если хотите, “благословения на причастие”), осуществляемого священниками, и отчёта в повседневных, повторяющихся, одних и тех же мелких грехах со стороны мирян, этакое своеобразное “откровение помыслов” – профанированное, незаконно привнесённое в церковную повседневность редчайшее и высочайшее монашеское делание. К собственно Таинству Покаяния это всё зачастую имеет малое отношение. Я отставляю сейчас в сторону вопрос о том, как сложилось в нашей положение дел, о связи дисциплинарной исповеди с причащением и т.п. Об этом уже давно всё сказано, неинтересно двадцать лет повторять одно и то же. Гораздо более важный вопрос – как православные воцерковлённые христиане воспринимают сегодня само покаяние и Таинство исповеди.

Прежде чем ответить на этот вопрос, приведу (по памяти, нет возможности искать цитату) учение св. Феофана Затворника по этому поводу. Вот что он пишет.

Покаяние есть:

1) осознание своего греха пред Богом;

2) укорение себя в этом грехе с полным исповедованием своей вины, без перекладывания ответственности на других людей или на обстоятельства;

3) решимость оставить грех, возненавидеть его, не возвращаться к нему, не давать ему места в себе;

4) молитва к Богу о прощении греха, до умирения духа.

Мы видим, что здесь нет речи собственно о Таинстве. Всё, о чём говорит Святитель – это внутреннее покаяннное делание. Оно должно совершаться всякий раз, когда мы осознаём в себе нечто недолжное, и заканчиваться “умирением духа”, то есть неким извещением от Бога, что грех, в котором я каюсь и об оставлении которого молюсь, Богом прощён. Св. Феофан пишет дальше, что для “повседневных”, мелких грехов должно быть достаточно этого внутреннего покаяния; лучше всего его совершать на вечерней молитве, когда мы осмысливаем прожитый день. Выноса же на исповедь требуют грехи существенные, когда сердце не умиряется совершением такого вот внутреннего покаяния. В первенствующей Церкви исповеди вообще подлежали только лишь смертные, тяжкие грехи.

Это норма. Теперь посмотрим, что происходит у наших аналоев. Большинство исповедников уверено, что они обязаны вынести на исповедь ВСЕ свои недолжные поступки, слова и греховные помыслы, замеченные ими за отчётный период. Это значит, что на своей покаянной молитве они не получают отпущения от Бога грехов, о прощении которых они молятся. Это значит, что им неведомо “умирение сердца”, о котором пишет святитель Феофан, они не знают, что это такое. Это значит, что они вовсе не молятся, потому что подлинная молитва есть вещь “двусторонняя”, в ней обязательно наличествует не только обращение нашего ума и сердца к Богу, но и тот или иной ответ от Него. Этот ответ реже всего бывает в словах или образах, он приходит обычно в виде некоего внутреннего движения духовного чувства, когда наша душа получает уверенность, что молитва принята, просимое получено, и в душу от соприкосновения с Богом приходит радость, мир и благодарение Бога.

И именно здесь стоит, подобный бетонной плите, главный “блок”: православные христиане уверены, что таких вещей в их духовной жизни ни в коем случае не должно быть. Никакого прощения мелких грехов просто вот так, по нашей молитве, быть не может. Все читали святителя Игнатия, все знают, что это прелесть. Поэтому всё надо занести на бумажку и во всём отчитаться батюшке. Никакой самостоятельной “двусторонности” в общении с Богом мы недостойны… Таким образом, исповедь превращается в имитацию духовности и подменяет собой собственно жизнь во Христе. Ибо подлинная духовная христианская жизнь именно “двусторонняя”, и никакой иной быть не может.

Почему же так происходит? И тут я возвращаюсь к цитате в начале моей заметки. Мне представляется, что в ней очень правильно поставлен вопрос. Получилось так, что наша церковная педагогика настроена не на то, чтобы объяснить человеку, что такое богообщение и способствовать ему, а чтобы предостеречь от вычитанных из книг ошибок на этом пути. Всё упирается именно в жизнь во Христе. Если она есть – всё в Церкви выстраивается для человека в должном порядке. Если её нет, церковные люди начинают заполнять зияющую пустоту суррогатами. И главный суррогат – перенесение отношений мира сего в церковную жизнь. Тогда священники становятся властителями над людьми, и дальше всё пошло-поехало. И тут уже нужно разматывать эту цепочку. Почему мы духовно не взрослеем? Потому что нас никто не учит, что это такое и как это делать. Почему не учит? не потому, что пастыри плохие и злонамеренные, а потому что многие из них, увы, сами не знают, что это такое. Почему не знают? Потому что, как мне представляется, неверно понимают, что такое христианское церковное пастырство, воспринимая его скорее как жречество. Почему так происходит? Потому что, как я уже сказал, такова наличествующая церковная педагогика (я имею здесь в виду не только обучение в духовных школах, но и всю сложившееся на сегодня церковную дидактику). Многие ли пастыри делятся со своею паствою своим опытом реальной, внутренней жизни во Христе, опытом богообщения, который, по словам святителя Феофана Затворника, только и составляет цель и смысл церковной жизни? Дальше разматывать эту верёвочку – отнюдь не безболезненно. Поэтому появляется вполне по-человечески понятное желание убежать от этой болезненности и ходить по кругу, приговаривая: “мы все – неофиты”, “советские гонения”, “Церковь – это лечебница, и все в ней косые, хромые, слепые и глухие”… ну и так далее.

Итак: составляет ли жизнь во Христе, богообщение, молитва, «взрослость», личностность в отношениях человека и Бога, всё более и более возрастающая “двусторонность”, о которой я говорил выше, главный интерес в жизни нынешних православных христиан? Вот тот главный вопрос, который, на мой взгляд, стоит за нынешней дискуссией об исповеди.

ИГУМЕН ПЕТР (МЕЩЕРИНОВ)

http://www.pravmir.ru/eshhyo-ob-ispovedi/

ПРЕПОДОБНЫЙ АНТОНИЙ РИМЛЯНИН

День памяти: 3 августа

Преподобный Антоний Римлянин родился в Риме в 1067 году от богатых родителей, державшихся православного исповедания веры, и был воспитан ими в благочестии. Лишившись родителей в 17 лет, он принялся за изучение писаний отцов на греческом языке. Затем он раздал часть наследства нищим, а другую вложил в деревянную бочку и пустил ее в море. Сам же принял пострижение в одном из пустынных скитов, где прожил 20 лет. Гонение со стороны латинян на православных принудило братию разойтись. Преподобный Антоний скитался, переходя с места на место, пока не нашел на пустынном берегу моря большой камень, на котором целый год прожил в посте и молитве. Страшная буря, разыгравшаяся 5 сентября 1105 года, сорвала камень, на котором находился преподобный Антоний, и понесла его в море. Под праздник Рождества Пресвятой Богородицы камень остановился в 3 верстах от Новгорода на берегу реки Волхова при селе Волховском. Событие это засвидетельствовано в новгородских летописях. На этом месте преподобный, с благословения святителя Никиты Затворника († 1109, память 14 мая), основал монастырь в честь Рождества Пресвятой Богородицы. На другой год рыболовы выловили бочку с наследством преподобного Антония, пущенную в море много лет назад. Указав, что находилось в бочке, преподобный забрал бочку и купил для обители земли. Духовное подвижничество сочеталось в обители с напряженной трудовой деятельностью. Преподобный Антоний заботился, чтобы из монастырских доходов оказывалась помощь нищим, сиротам и вдовам. В 1117 году преподобный начал каменное строительство в монастыре. До наших дней сохранился собор в честь Рождества Пресвятой Богородицы, построенный при жизни преподобного в 1117-1119 гг. известным новгородским зодчим Петром, с фресковыми росписями 1125 г. В 1131 году святитель Нифонт Новгородский поставил преподобного Антония игуменом монастыря. Скончался он 3 августа 1147 года и был погребен святителем Нифонтом.

Прославлен преподобный Антоний в 1597 году. Память его отмечается также (в честь обретения мощей) в первую пятницу после празднования первоверховным апостолам Петру и Павлу (29 июня) и 17 января - в день тезоименитства, когда празднуется память преподобного Антония Великого. Первоначальное житие преподобного Антония Римлянина было написано вскоре после его кончины учеником и преемником по игуменству священноиноком Андреем, а обработка жития, сказание об обретении мощей и похвальное слово - постриженикомАнтониева монастыря, иноком Нифонтом, в 1598 году (издано в "Православном собеседнике", Казань, 1858, май-июнь). Сохранились духовная и купчая грамоты преподобного Антония, изданные неоднократно. (Последние публикации: Грамоты Великого Новгорода и Пскова.М. - Л., 1949, с. 159-161, N 102, 103; Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М., 1977, с. 58-59).

http://days.pravoslavie.ru/Life/life4371.htm

ПРЕОБРАЖЕНИЕ ГОСПОДНЕ

(6/19 августа)

(Мф.17:1—13;Мрк.9:2—13;Лук.9:28—36)

Об этом событии повествуют все три синоптика, причем достойно примечания, что все они связывают его с имевшей место за шесть (по счету св. Луки, за восемь) дней перед тем речью Господа о предстоящих Ему страданиях, о несении креста Его последователями и о скором открытии Царствия Божия, пришедшего в силе. Господь взял ближайших и доверенейших учеников Своих, которые были всегда с Ним в наиболее торжественные и важнейшие моменты Его земной жизни, Петра, Иакова и Иоанна, и возвел их «на гору высоку едины». Хотя Евангелисты не называют этой горы по имени, но древнее христианское предание единогласно свидетельствует, что это была гора Фавор в Галилее, на юг от Назарета, в прекрасной равнине Иезреельской. Величественная гора эта высотой почти в 3000 футов покрыта снизу и до середины прекрасной растительностью и с вершины ее открываются прекрасные виды на весьма далекое расстояние.

«И преобразися пред ними» – явился перед учениками в Своей небесной славе, отчего лицо Его просияло, как солнце, и одежды побелели: сделались, по св. Матфею, «как свет», по св. Марку, «как снег», по св. Луке – «блистающими». Еванг. Лука делает важное дополнение, указывая, что целью восхождения на гору была молитва, и что Господь преобразился именно во время молитвы: «и бысть, егда моляшеся, видение лица Его ино, и одеяние Его бело блистаяся», причем Апостолы во время молитвы Его были отягчены сном, и только проснувшись, увидели славу преобразившегося Господа и явившихся Моисея и Илию, которые с Ним беседовали, как поясняет Лука, об исходе Его, который надлежало Ему совершить во Иерусалиме. Как разъясняет св. Златоуст, Моисей и Илия явились потому, что одни из народа почитали Господа Иисуса Христа за Илию или за единого из пророков: потому «и являются главные пророки, чтобы видно было различие рабов от Господа». Моисей явился, дабы показать, что Иисус не был нарушителем его закона, каким старались представить Его книжники и фарисеи. Ни Моисей, через которого был дан закон Божий, ни Илия, этот великий ревнитель славы Божией, не предстали бы и не повиновались бы Тому, Кто не был бы на самом деле Сыном Божиим. Явление Моисея, уже умершего, и Илии, не видевшего смерти, но взятого живым на небо, означало владычество Господа Иисуса Христа над жизнью и смертью, над небом и землею. Особое дивное благодатное состояние, охватившее при этом души Апостолов, выразил св. Петр своим восклицанием: «Господи, добро есть зде нам быти» и предложением построить три кущи. Лучше не возвращаться в дольний мир злобы и коварства, угрожающий Тебе страданиями и смертью, как бы так хотел он сказать. Ев. Марк, несомненно со слов самого Петра свидетельствует, что охватившее его чувство радости было столь велико, что он «не знал, что сказать». Чудесное облако, несомненно, как символ особенного присутствия Божия, объяло их (таковое облако, называемое «шехина» постоянно было во святом святых – 3 Царств 8—11), и из облака послышался голос Бога Отца: «Сей есть Сын Мой Возлюбленный, о Немже благоволих: Того послушайте!» – те же слова, которые были слышны при крещении Господнем, но с добавлением: «Того послушайте!», что должно было напоминать пророчество Моисея о Христе (Втор. 18: 15) и исполнение этого пророчества на Иисусе. Господь запретил Апостолам рассказывать кому бы то ни было о видении, пока Он не воскреснет из мертвых, чтобы не будить чувственных представлений иудеев о Мессии. Св. Марк добавляет при этом подробность, конечно, со слов самого Петра, что ученики «удержали это слово», недоумевая для чего Господу нужно умереть, чтобы потом воскреснуть. Убежденные теперь уже вполне, что их Учитель Иисус есть действительно Мессия, они спрашивают: «како глаголют книжницы, яко Илии подобает прийти прежде?» Господь подтверждает, что Илии действительно надлежит придти прежде «и устроить все», по-гречески, собственно «возстановить» – «апокатастиси», т.е., как предсказывал пророк Малахия (4: 5—6): «обратить сердца отцов к детям и сердца детей к отцам их» или восстановить в душах людей первоначальные добрые и чистые чувства, без чего дело Мессии не могло бы быть успешным, ибо не нашло бы благоприятной почвы в сердцах людей, заскорузлых и окаменевших от продолжительной порочной жизни. «Глаголю же вам», говорит далее Господь, «яко Илия уже прииде, и не познаша его», т.е. Илия уже пришел в лице Иоанна Крестителя, который был облечен от Бога силою Илииною и духом, подобным ему, но его не узнали, ввергли его в темницу и умертвили его: «тако и Сын Человеческий имать пострадати от них», т.е., как не узнали Илию и умертвили его, так не узнают и Мессию, и также умертвят Его.

http://www.nsad.ru/articles/avgustovskie-spasy

«Яблоки»

Василий Никифоров-Волгин

Дни лета наливались как яблоки. К Преображению Господню они были созревшими и как бы закруглёнными. От земли и солнца шёл прохладный яблочный дух. В канун Преображения отец принёс большой мешок яблок… Чтобы пахло праздником, разложили их по всем столам, подоконникам и полкам. Семь отборных малиновых боровинок положили под иконы на белый плат, – завтра понесём их святить в церковь. По деревенской заповеди грех есть яблоки до освящения.

– Вся земля стоит на благословении Господнем, – объясняла мать, – в Вербную Субботу Милосердный Спас благословляет вербу, на Троицу – берёзку, на Илью Пророка – рожь, на Преображение – яблоки и всякий другой плод. Есть особенные, Богом установленные сроки, когда благословляются огурцы, морковь, черника, земляника, малина, голубица, морошка, брусника, грибы, мёд и всякий другой дар Божий… Грех срывать плод до времени! Дай ему, голубчику, войти в силу, напитаться росою, землёю и солнышком, дождаться милосердного благословения на потребу человека!

В канун Преображения почти вся детвора города высыпала на базар, к весёлым яблочным рядам. Большие возы яблок привозил на пыльных телегах из деревень Гдовья, Принаровья, Причудья. Жаркорумяные, яснозорчатые, осенецветные, багровые, златоискрые, янтарные, сизые, белые, зелёные, с красными опоясниками, в веснушках, с розовинкой, золотистопрозрачные (инда зёрнышки просвечивают), большие, как держава в руке Господа Вседержителя, и маленькие, что на рождественскую ёлку вешают, – лежали они горками в сене, на рогожках, в соломе, в корзинах, в коробах, ящиках, в пестрядинных деревенских мешках, в кадушках и в особых липовых мерках.

Торговали весело и шумно, с хохотом и прибаутками. Яблоки заставляли улыбаться, двигаться, громко говорить, слегка озорничать, прыгать на одной ноге, размахивать руками, прицениваться и ничего не покупать. Нельзя было избавиться от неудержимой смешливости. Всё смешило – и бойкий чернобородый зубоскал-мужик в розовой рубахе, стоящий на возу, как Пугачёв на Лобном месте, и надсадно выкрикивающий: «А вот я-я-бло-чки красавчики»; загаристая девка с большим кошелем через плечо, давшая наотмажь «леща» по спине мальчишки, стянувшего яблоко; выпивший дядя, рассыпавший яблоки прямо в базарную лужу. Особенно смешил круглощёкий восьмилетний пузан, одной рукою показывающий на яблоки в телеге и спрашивающий торговца почём, – а другой рукой залезающий под солому. Когда карманы его раздувались от наворованных яблок, он сказал торговцу» «Дороговато!» На воришку весело посматривал городовой и грозил полицейским пальцем: «Я тебя! Моли Бога, что я сегодня добрый». Кому-то угодили яблоком в затылок и крикнули: «С наступающим праздником!» Вихрастый мастеровой угощал девицу «сахарной коробкою». Сделав губы бантиком она ответила: «До священья не вкушаю». Под телегами спали разиня рот деревенские ребята – с тятьками и мамками, они всю ночь сопровождали яблочные возы в город. Я встретил Урку. Он грыз яблоко, и я сказал ему:

– Разве можно есть неосвящённое? Грех ведь!

Урка тревожными глазами посмотрел на меня и ответил, как серьёзный ихний раввин:

– У нас свой закон!

В чайной с вывеской: «Зайди, приятель» сидели мужики, пили чай с ситником и говорили только о яблоках: сколько мер собрали, сколько пообтряс, как их везли по дорогам, сколько взяли барыша и что-де Господь послал урожайный год, хорошую росу, дождь по времени и теперича, мол, зима не страшит, всего вволю, а поэтому можно ещё сороковочку выпить!

Чтобы угодит мужикам, половой завёл органчик, но ему сказали:

– Поштенный! Нельзя ли повременить? Успенский пост ещё не прошедши!

А кругом чайной дробный полновесный звук отмериваемых яблок, зазывы торговцев, ржанье лошадей, взвизги, смех, всплески голубиных и воробьиных стай, летающая паутина – предосенница, жаркое, но всё же замирающее солнце, – оно тоже созрело как яблоко и скоро уляжется на покой до новой весны и нового созрева, – и это полнозубое, весёлое, морозно-хрустящее слово «яблоки», раскатывающееся по всему базару и улицам!

– Ах, какое хорошее слово «яблоки»! Лучше этого слова не сыщешь по всей поднебесной!

***

Вечером пошли ко всенощной. В церкви пели яблоками и мёдом пахнущий Преображенский тропарь:

Преобразился еси на горе, Христе Боже,
Показывай учеником Твоим Славу Твою, якоже можаху;
Да воссияет и нам грешным свет Твой присносущный,
Молитвами Богородицы, Светодавче, слава Тебе.

Вечером, после ужина, меня заставили читать Евангелие о Преображении Господнем. Я читал по складам: «По прошествии дней шести взял Иисус Петра, Иакова и Иоанна, брата его, и возвел их на гору высокую одних, и преобразился пред ними: и просияло лицо Его как солнце, одежды же Его сделались белы как снег».

Ночь была душной, с далёкими всполохами, с августовской, тихо шумящей тьмою.

От духоты в комнате я захотел снять с себя всю одежду, чтобы спать было повольготнее, но мать строго мне внушила:

– Никогда не спи нагишом, ибо сон смерти брат, преддверие к Страшному Суду Господню. Надо быть всегда в готовности, одетым в дорогу… При слове «дорога» она отвернулась к окну и как будто бы прослезилась.

Утром встали спозарань. На дворе желтела заря – ранница. Она сдувала с крыш последний сон. Зачинающий день всё шире и шире раскрывал золотые свои врата, и не успел я насмотреться досыта на восходье, так редко мною виденное, как показалось в этих вратах солнце и зашагало по земле поступью Великого Государя, идущего от Светлой Заутрени. Долго я думал, отчего солнце слилось у меня с шествием Великого Государя, виденного мною на какой-то картине, и не мог додуматься. Отец, вымытый и причёсанный, в жилетке поверх ситцевой рубахи и лакированных сапогах ходил по комнате и напевал: «Преобразился еси на горе Христе Боже».

Преображение… Преображение… – повторял я. Как хорошо и по-песенному ладно подходит это слово к ширящемуся и расцветающему Дню. С белым узелком яблок пошли к обедне. Всюду эти узелки, как куличи на Пасху, заняли места в доме Божьем: и на ступеньках амвона, и на особых длинных столах, на подоконниках и даже на полу под иконами. Румяно и простодушно лежали они перед Богом, – вошедшие в силу, напитавшиеся росою, землёю и солнышком, готовые пойти теперь на потребу человека и ждущие только Божьего благословения.

Во время пения «Преобразился еси» на амвон вынесли большую корзину с церковными яблоками. Над ними читали молитву и окропляли их святою водой. Когда подходили ко кресту, то священник каждому давал по освящённому яблоку. В течение целого дня на улицах слышен был сочный яблочный хрустень.

Радостно и мирно завершился солнечный, яблочно-круглый день Преображения Господня.

http://preobrazhenie.paskha.ru/children/o_preobrazhenii/Rasskazy/Nikiforov-Volgin/

Успение Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии

святитель Феофан Затворник

День памяти—28 августа.

После крестной смерти Иисуса Христа Пречистая Его Матерь около пятнадцати лет жила в Иерусалиме, в доме святого апостола Иоанна Богослова, которому поручил Ее Сам Господь со креста. Вот приблизилось время переселиться ей в небесную обитель Сына Своего. Когда Матерь Божия молилась на горе Елеонской, Ей, — рассказывает предание, — явился Архангел Гавриил, принесший финиковую ветвь, и известил о Ее кончине через три дня.

Пречистая несказанно обрадовалась, услышав такое известие, и начала готовиться. Ко дню Ее преставления, по повелению Божию, чудесно явились в Иерусалим, кроме апостола Фомы, все апостолы, рассеянные для проповеди по всему миру. Они были свидетелями Ее мирной, тихой, святой и блаженной кончины. Сам Господь Иисус Христос, во славе небесной, окруженный безчисленным множеством Ангелов и праведных духов, явился принять душу Пречистой Матери Своей и со славой вознес Ее на небо.

Так окончила земную жизнь Свою Пресвятая Дева Мария! С возжженными светильниками и пением псалмов апостолы понесли тело Богоматери в Гефсиманию, где погребены были Ее родители и Иосиф. Неверующие первосвященники и книжники, пораженные величием погребального шествия и озлобленные почестями, воздаваемыми Богоматери, послали слуг и воинов, чтобы разогнать провожавших и сжечь самое тело Богоматери. Возбужденный народ и воины с яростью устремились на христиан, но были поражены слепотой. В это время проходил мимо иудейский священник Афоний, который бросился ко гробу с намерением повергнуть его на землю; но едва коснулся он руками одра, как Ангел отсек ему обе руки: отрубленные части их повисли у одра, а сам Афоний упал на землю с криком.

Апостол Петр остановил шествие и сказал Афонию: «Убедись, что Христос истинный Бог». Афоний тут же исповедал Христа истинным Мессией. Апостол Петр велел Афонию с усердной молитвой обратиться к Богоматери и приложить останки рук к частям, повисшим у одра. По исполнении этого руки срослись и излечились, а на месте отсечения остались лишь знаки. Ослепший же народ и воины с раскаянием прикоснулись к одру и получили зрение не только телесное, но и душевное, и все с благоговением присоединились к шествию.

На третий день после погребения Божией Матери прибыл отсутствовавший, по воле Божией, апостол Фома, и пожелал видеть Ее гроб. По его желанию гроб был открыт, но в нем не нашли тела Богоматери. Вечером того же дня, во время трапезы своей, апостолы увидели в воздухе Пресвятую Деву на небесах, живую, со множеством Ангелов. Стоящая и неизреченной славой осияваемая Богоматерь сказала апостолам: «Радуйтесь! Я всегда с вами»; апостолы воскликнули: «Пресвятая Богородица, помогай нам». Это явление Богоматери совершенно убедило апостолов, а через них и всю Церковь в Ее воскресении. В подражание Пресвятой Деве Марии, часто посещавшей места, которые Сын Ее иБог освятил стопами пречистых ног Своих, возник обычай между христианами — посещать святые места.

http://azbyka.ru/otechnik/Feofan_Zatvornik/propoved-na-uspenie-presvjatoj-vladychitsy-nashej-bogoroditsy-i-prisnodevy-marii

Собор Кемеровских святых

Празднуется 18 августа (при совпадении этого числа с воскресным днем), либо в неделю перед 18 августа.

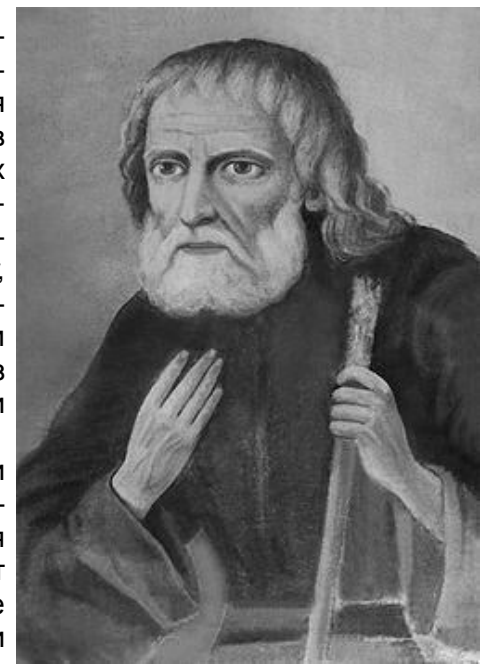
Василиск Сибирский (**Туринский**, в миру **Василий Гаврилович Гаврилов**; ок. 1740, деревня Иванищи близ Калязина — 29 декабря 1824, Туринский Свято-Николаевский монастырь) — сибирский пустынножитель, преподобный Русской православной церкви (канонизирован в 2004 году). Память совершается (по юлианскому календарю): 29 декабря, 10 июня (Собор Сибирских святых) и в последнее воскресение августа (Собор Кемеровских святых).

Жизнеописание

Родился в семье экономических крестьян Тверской губернии. Рано потерял мать, отец привёл в дом мачеху для Василия и трёх его старших братьев. Семья жила бедно и ребёнком Василия отправляли просить милостыню. На молодого Василия произвели впечатления проповеди тверского епископа Гавриила (Петрова), которые он слышал в Макариевом калязинском монастыре. Склонный к аскетизму Василиск, хотя и женился, но под предлогом ухода на заработки трудился в различных монастырях, а около 1777 года он оставил семью и пришёл в Островскую пустынь к ученику Паисия Величковского иеромонаху Клеопе, который благословил его на пустынножительство.

Вначале Василий жил вместе со своим старшим братом Косьмой, который также имел склонность к аскетизму (носил власяницу из конского волоса и вериги), а затем с двумя пустынниками Павлом и Иоанном ушёл в леса Чувашии. После их смерти пришёл к старцу Площанского монастыря иеромонаху Адриану (Блинскому), жившему пустынником в Брянских лесах. Адриан постриг Василия в монахи и нарёк ему имя Василиск. Вокруг Адриана была небольшая община пустынников, там Василиск познакомился со своим учеником и преподобным Зосимой (Верховским). В 1788 году Адриан перешёл в Коневецкий монастырь, следом за ним пришли на Коневец Василиск и Зосима, поселившиеся в трёх верстах от монастыря.

В 1799 году наставник Василиска и Зосимы старец Адриан решил принять постриг в великую схиму и для этого уехал из Коневецкого монастыря в московский Симонов монастырь. Прощаясь с учениками он благословил Василиска и Зосиму на пустынножительство в Сибири, но их больше привлекал Афон. Трижды они пытались отправиться на Святую гору, но каждый раз это начинание у них не получалось. Друзья отправились в Киев где с разрешения митрополита два месяца жили в Киево-Печерской лавре, а затем отправились в Крым и позднее в Моздок. По причине набегов горцев их под конвоем доставили оттуда в Таганрог из которого они перебрались в Астрахань где решили исполнить благословения старца Адриана и, купив лошадь, отправились в Сибирь. Осенью 1800 года они достигли Тобольска где архиепископ Варлаам (Петров) дал Василиску и Зосиме разрешение поселиться на территории его епархии. Около года они странствовали по сибирским уездам, выбирая место для будущей пустыни, и в 1802 году поселились в лесах Кузнецкого уезда. В тайге в сорока верстах от ближайшей деревне они выкопали землянку, договорившись с одним из крестьян, что тот будет приносить им еду. Весной они решили выйти из тайги, но заблудились и провели в лесу около двух недель.



Выйдя из тайги, они решили остаться в Кузнецком уезде и выбрали себе место у реки Средняя Терсь в пятидесяти верстах от Кузнецка. Местные крестьяне срубили им две кельи, монахи разбили огород, занимались рукоделием. Раз в год их посещал священник со Святыми Дарами. Вокруг пустынников образовалась небольшая община подвижников, в числе её был ученик святого Василиска праведный Пётр Томский.

В 1818 году по просьбе кузнецкой мещанки Анисьи Котоховой Василиск стал духовником образованной ею монашеской общины в одной из деревень на реке Томь. Видя неудобство существования монашеской общины в миру, Василиск в 1821 году направил Зосиму к тобольскому архиепископу Амвросию (Келембету) с просьбой разрешить открыть женский монастырь в Туринске на месте упразднённого в 1764 году мужского монастыря. Разрешение было получено и в 1822 году был открыт туринский Свято-Николаевский монастырь, где Василиск нёс до своей смерти послушание старца.

Скончался Василиск 29 декабря 1824 года, 4 января 1825 года был погребён у алтаря Вознесенского собора, основанного им монастыря. В 1913 году над могилой бала возведена часовня. После революции 1917 года монастырь был закрыт, а его постройки разрушены. Мощи Василиска были обретены в 2000 году. 11 января 2004 года состоялось его канонизация в лике преподобных местночтимых святых Екатеринбургской епархии, а 4 октября того же года Архиерейским собором Русской православной церкви было утверждено всецерковное прославление преподобных старцев Зосимы и Василиска.

В Туринском краеведческом музее хранится посмертный портрет преподобного Василиска.

http://adamovka.ru/saint/?id=420

История Православной Церкви

Дворкин Александр Леонидович.

(Очерки по истории Вселенской Православной Церкви)

(Продолжение. Начало в № 27-70)

Перечислив всех еретиков от Нестория до Акакия, каждый из подписавших этот документ должен был поклясться в следующем:

"Первое условие спасения состоит в соблюдении правила православной веры и неуклонении от отеческих преданий. Поелику не может быть отменено изречение Спасителя: "Ты еси Петр, и на сем камени созижду церковь Мою" (Мф.16:18), то, как сказано, подтверждается самым делом: на апостольском престоле всегда невредимою сохраняется вера православная. Не желая, таким образом, отпадать от этой веры и следуя во всем установлениям отцов, мы предаем анафеме Нестория - Евтиха и Диоскора - Тимофея Элура - Петра Александрийского, - подобным же образом Акакия, бывшего епископа города Константинополя, сделавшегося сообщником и последователем их, а равно и тех, которые упорствуют в общении и соучастии с ними. Посему, как выше мы сказали, следуя во всем апостольском престолу, мы и проповедуем все, что определено им, - обещаясь в будущем времени имена отлученных от общения кафолической церкви, то есть *не соглашающихся во всем с апостольскою кафедрою* (курсив мой. - *А.Д.*), не поминать при совершении Св. Таин. Если же я от этого исповедания позволю себе сделать какой-либо обратный шаг, то я сам делаюсь участником осуждения тех, которых я сам осудил".

Легаты были торжественно встречены за десять миль от города делегацией высокопоставленных официальных лиц Империи, в том числе племянником императора Юстинианом. После весьма унизительных для Константинопольского патриарха переговоров, на которых он и император Юстин пытались склонить легатов к изменению текста декрета, византийцы сдались, и патриарх Иоанн со своими епископами и игуменами 28 мая в Великий Четверг перед совместным совершением Евхаристии подписал папский текст, после чего легаты собственноручно на престоле св. Софии вычеркнули из диптихов имена умерших патриархов. Так был завершен "акакианский раскол".

Эти подписи означали беспрецедентное признание "восточными" римского вероучительного престижа. Тем не менее было бы ошибкой считать, что обе стороны вдруг чудесным образом пришли к идентичному пониманию как власти и авторитета в Церкви, так и тех событий, которые происходили после Халкидонского Собора. Для греков текст папского декрета значил признание того, что Римская Церковь в течение последних семидесяти лет не отступала от православия и, следовательно, заслужила право в этом считаться неким примером для восточных халкидонцев. По большому счету это было не более как признание исторического достижения. Характерно, что патриарх Иоанн, перед тем как подписать этот текст, приписал к нему одну фразу: "Я провозглашаю, что кафедра апостола Петра и кафедра этого имперского города - одна". В этой фразе, с одной стороны, признавалось апостольское происхождение римской кафедры и ее первенство чести, а с другой - провозглашались равночестность и равенство двух кафедр в том смысле, в котором они были определены в 28-м каноне Халкидона, как церквей первой и второй столиц Империи.

Самым противоречивым в тексте декрета было требование вычеркнуть из диптихов всех, кто не был в общении с Римом с 482 г., включая Евфимия и Македония - двух Константинопольских патриархов, незадолго до этого провозглашенных исповедниками. Но, как мы знаем, легатам удалось провести в жизнь и это требование папы. Юстиниан принудил патриарха Иоанна пойти на уступки и подписать все требования папы - он не мог позволить, чтобы примирение с Римом сорвалось из-за формальности: у него были свои собственные, далеко идущие планы относительно Римской Церкви.

Но на всем остальном Востоке сопротивление папским требованиям было яростным и эффективным. Ряд соборов приветствовал восстановление в диптихах имен Евфимия и Македония (например, собор в Тире) и отказался подчиниться папскому декрету. В Фессалониках, кафедру которых занимал папский викарий, один из римских легатов - епископ Иоанн, прибывший в город, чтобы форсировать подписание декрета, - был закидан камнями и, с пробитой в двух местах головой, должен был искать убежища в храме. Салоникский епископ Дорофей отказался подписать декрет именно потому, что в нем содержалось требование предать память двух местночтимых иерархов. Отлученный от Церкви папой, Дорофей тем не менее был оправдан Ираклийским собором (520 г.) и, при имперской поддержке, возвращен на свою кафедру.

Неудивительно, что Юстин I, Юстиниан и патриарх Иоанн в целом ряде писем к папе пытались уговорить его сделать публичное заявление, которое позволило бы интерпретировать декрет в несколько более мягких тонах. Ему предлагали возложить всю вину на Акакия и изъять его имя из диптихов, но не трогать его преемников и уж тем более бессчетного количества епископов, бывших в общении с ним.

Но папа Гормизда оставался непреклонным. Он понимал, что византийское правительство нуждается в Римской Церкви и что политические обстоятельства предоставляют ему возможность бескомпромиссно утвердить апостольский авторитет Рима. Однако в более долгой перспективе его упрямство принесло прямо противоположный результат. "Восточные" - как уже было во время споров при папе Дамасе в IV в. - de facto проигнорировали папские требования. Мы видим это в описанном выше случае с епископом Солунским Дорофеем и в факте, что почитание Евфимия и Македония не только как законных канонических архиепископов, но и как святых исповедников возобновилось практически сразу же после отбытия легатов из Константинополя. Более того, даже Акакий упоминается в ряде агиографических материалов как "блаженный". Очевидно, что для церковного сознания на Востоке папская власть отнюдь не была единственным, непременным и самодостаточным критерием православия.

Но, как бы то ни было, единство с Римом было восстановлено. Однако это был лишь самый первый шаг Юстиниана для восстановления религиозного единства. Большинству "восточных" было очень трудно согласиться с настойчивым требованием Рима, что правая вера была адекватно и со всей полнотой выражена томосом папы Льва и соборным определением. Для них критерием православия в данном вопросе был прежде всего св. Кирилл - и не только среди монофизитов, но и среди халкидонцев, и в особенности тех, кто с такой легкостью принял "Энотикон".

4. "Энотикон" был в конце концов отвергнут лишь потому, что он маргинализировал Халкидон, насаждая ряд двусмысленностей, которые оказались невыносимыми как для его искренних противников, так и для его последовательных защитников. В 518 г. авторитет Халкидона был восстановлен, но оставался самый главный вопрос: если Халкидон представлял правую веру, то как его следует понимать? На Востоке можно было выделить три позиции.

1. Умеренные монофизиты во главе с Севиром отвергали Халкидон под предлогом того, что он якобы был несторианским, но придерживались христологических позиций, полностью зависимых от св. Кирилла Александрийского. Эту позицию можно обозначить как своеобразный кирилловский фундаментализм. Монофизиты-севириане верили, что Христос был совершенным Богом и совершенным человеком и после соединения природ. Они официально отвергали Евтиха и соглашались с тем, что воплощенный Бог был "единосущен нам" в той же степени, что и "единосущен Отцу". Но они признавали лишь то значение слова "природа" (φύσις), которое придавало ему исключительно конкретный смысл, делающий его синонимом слова "ипостась". Они повторяли вновь и вновь, что Халкидон, признавая существование двух природ после соединения, неизбежно приводил к выводу, что Христос был не единой Личностью, а двумя, действующими независимо друг от друга. Севир был согласен даже на еще более тонкое различие. Он признавал, что во Христе присутствовало Божество и человечество - две сущности (ουσίαι - более умозрительная концепция), которые могут быть различимы умственно (εν θεωρία), что во Христе была двойственность свойств (ιδιώματα) этих двух сущностей, но что конкретно в Нем была одна природа, хотя эта природа была "сложносоставной в отношении плоти" (σύνθετος προς την σάρκα). Христос был одним и единым "деятелем" (ενεργών), одним Спасителем, одним субъектом, и в этом для Севира и был смысл Кирилловской фразы "одна природа Бога-Слова воплощенная". Сохраняя верность св. Кириллу, но весьма фундаменталистским образом, придерживаясь буквы, но не духа учения великого александрийца, севириане отказывались видеть, что халкидонская формула была необходимой для противостояния опасности, содержащейся в "евтихианском" толковании св. Кирилла.

2. Взгляд на Халкидон с антиохийских позиций, якобы выраженный Несторием, заявившим, что это как раз то, что он и имел в виду. И действительно, многие халкидонцы толковали орос Собора как реабилитацию старых антиохийских позиций, выраженных Феодором Мопсуэстийским, что давало монофизитам лишний повод обвинять Халкидон в несторианстве.

Этих взглядов, судя по всему, придерживались "неусыпающие" (Ἀκοίμητοι) монахи в Константинополе. Они героически выступали против "Энотикона", но, похоже, перегнули палку в другую сторону. Они выступали против термина "ипостасное единство" и против теопасхитских формул, т.е. против отнесения страданий Христа к Его Личности. Страдания Христа, утверждали они, относились лишь к Его "человечеству", т.е. безличностной концепции. Противники обвиняли их даже в отвержении термина "Богородица". Бескомпромиссная защита Халкидона монахами оказывала громадную помощь халкидонским иерархам столицы, что, так же как и взгляды, которых придерживались римские епископы, укрепляло их собственные позиции. Но такие убеждения делали всю халкидонскую партию неприемлемой для монофизитов.

Опасения последних еще более усилились после 519 г., когда во многих частях Сирии началась халкидонская реакция. Например, в Кире начались торжественные богослужения в память не только покойного Феодорита, но и "учителей Церкви" Феодора Мопсуэстийского и Диодора Тарсийского. Такое "антиохийское" толкование Халкидона казалось привлекательным для многих людей на Западе, поддерживавших борьбу папства против "Энотикона" и придерживавшихся мнения, что христологическая формула Халкидона самодостаточна и не нуждается ни в каких дополнениях. На самом деле такая позиция отражает весьма поверхностный подход к Халкидонскому Собору - "теопасхизм" провозглашался в томосе папы Льва, а на самом Соборе особо подчеркивалась его верность вере св. Кирилла.

3. "Кирилловский" подход к Халкидону. Это именно то, что, как мы видели выше, имелось в виду на самом Халкидоне. Если бы после 451 г. не произошло роковой поляризации между "халкидонскими фундаменталистами" (которые отвергали самого Нестория, но не ощущали опасности несторианства) и "фундаменталистами-кирилловцами" (которые отвергали Евтиха, но не обладали достаточным иммунитетом против евтихианства), то подлинный смысл халкидонской формулы не вызывал бы столь острых противоречий. Но после всего происшедшего богословы, придерживающиеся этой позиции, понимали, что она нуждалась в подтверждении халкидонской формулы **теопасхизмом**, т.е. утверждением страдания Бога. Контрольным тут является вопрос: "Кто страдал на Кресте?" Антиохийцы осторожно отвечали: "Человеческая природа Христа". Свт. Кирилл громогласно утверждал: "Предвечная Ипостась Бога Слова", "Один из Святой Троицы пострадал во плоти". И он, безусловно, был прав.

5. Прояснение позиций началось с эпизода, который обычно называется "делом скифских монахов". Однако, увы, это происходило уже слишком поздно для того, чтобы можно было преодолеть раскол между халкидонцами и монофизитами.

В марте 519 г. в Константинополь прибыла группа скифских монахов. Они проявили себя безупречными защитниками Халкидона, но, столкнувшись в столице с позицией "неусыпающих" монахов, решили откорректировать ее, поместив в нужный кирилловский контекст. Их чрезвычайно активные методы пропаганды весьма раздражали константинопольские власти, но сущность их позиции, несомненно, была правильной: в Халкидонский орос не было включено учение св. Кирилла о том, что Личность, или ипостась, Христа была предсуществующей Ипостасью Логоса и что восприятие плоти не подразумевало восприятия иного субъекта, что "двух сынов" не существовало, что был лишь один Сын, и, следовательно, было абсолютно правильно и необходимо утверждать - в контексте православного взгляда на искупление - что "Один из Святой Троицы пострадал во плоти". В защиту своей позиции скифские монахи могли сослаться не только на "Двенадцать анафематизмов", содержащихся в третьем письме св. Кирилла Несторию, но также и на сам Никейский символ веры, в котором подлежащее сказуемого "страдавша" (παθόντα) - Сам Сын Божий. Теопасхизм скифских монахов на самом деле не вводил никакого христологического учения, отличного от того, которое подразумевалось при употреблении термина "Богородица", - лишь *Кто-то* (а не *что-то*) мог быт ь рожден от жены, лишь *Кто-то* (а не *что-то*) мог пост радать и умереть. Во Христе не было личного субъекта, кроме Логоса, Который лично оставался тем же, и воспринимая плоть, и страдая на Кресте.

(Продолжение на стр.10)

История Православной Церкви

Дворкин Александр Леонидович.

(Очерки по истории Вселенской Православной Церкви)

Затруднения некоторых халкидонитов, находящихся под влиянием богословия Феодора Мопсуэстийского, в принятии теопасхизма позволяли монофизитам обвинять их в предательстве даже Никейской веры.

Так как в примирительных формулах между Константинополем и Римом теопасхизм не упоминался, несколько скифов под водительством Иоанна Максентия в 519 г. отправились в Рим с попыткой убедить папу Гормизду, что для утверждения халкидонской веры необходимо официальное принятие теопасхизма. Юстиниан поначалу был несколько обеспокоен их миссией, опасаясь, что она может повредить с таким трудом обретенному миру с Римом, и попросил папу изгнать скифов. Но те уже заручились некоторой поддержкой в Риме (в частности, от их соотечественника, знаменитого канониста Дионисия Малого), и изгнать их было не так-то просто. Впрочем, Юстиниан вскоре переменил свою позицию. Он написал новое письмо Гормизде, где в весьма приказном тоне заявлял, что папа должен "совершить то, что принесет мир и согласие святых церквей", и требовал быстрого ответа, который "удовлетворил бы благочестивых монахов".

Однако в 520 г. Гормизда все-таки решил изгнать монахов, объявив, что не видит необходимости в введении теопасхитских формул. Иоанн Максентий уже из Константинополя написал папе письмо с резким протестом. Юстиниан, со своей стороны, продолжал оказывать поддержку скифам. С этого момента религиозная политика императора, направленная на объединение папы, Константинопольской Церкви и антихалкидонского Востока, будет основываться на теопасхитской формуле, которая, по его глубокому убеждению, была необходима для "мира и согласия".

6. Тем временем в Италии король Теодорих стал относиться к папству чрезвычайно подозрительно. Просвещенное правление Теодориха отличалось мудрой терпимостью, но теперь, в конце его, стало ясно, что с установлением новых, более дружелюбных отношений между Римом и Константинополем готы смогут потерять контроль над Италией. В 506 г. король франков Хлодвиг обратился в православное христианство. За ним обратился зять Теодориха Сигизмунд Бургундский (510). В 523 г. скончался Тразимунд, король вандалов и муж сестры Теодориха, фанатичный арианин. Все эти события поставили арианина Теодориха в оборонительную позицию. В 524 г. по подозрению в участии в политическом заговоре был казнен знаменитый философ римский аристократ Боэций. В ответ Юстин I опубликовал указ, запрещающий арианские церкви на Византийской территории.

И тогда Теодорих послал папу Иоанна I (преемника Гормизды) в Константинополь с унизительной для него миссией заступиться за ариан, угрожая в противном случае принять карательные меры против итальянских кафоликов. Итак, Римская Церковь постепенно утрачивала позицию арбитра и делалась политическим орудием, которое византийские императоры или готские короли могли использовать для власти над Италией.

Император принял папу в Константинополе с великой помпой, но миссию его не удовлетворил. По возвращении Иоанна I Теодорих бросил его в темницу, где тот и скончался. Правда, в том же году (526) скончался и сам Теодорих. После него на трон взошла королева Амаласунта (526-534), занявшая провизантийскую позицию.

Эти трагические события в Италии создали фон для оправдания политики Юстиниана, убежденного в том, что у православного христианства как на Востоке, так и на Западе не было другого защитника, кроме богоустановленного римского императора в Константинополе.

Настало время, когда примирение с папством, достигнутое в 519 г., должно было начать приносить свои плоды: папы должны были вернуться в имперскую систему, в которой пять патриархатов станут "пятью чувствами", арианские королевства будут подавлены силой и будут сделаны все необходимые богословские пояснения, чтобы обеспечить принятие Халкидонского Собора Египтом и Сирией.

7. В 527 г. скончался император Юстин, и 45-летний Юстиниан начал свое 38-летнее единоличное правление. Начало его было ознаменовано недобрыми событиями: в 532 г. разразилось восстание "Ника", когда обе цирковые партии "зеленых" и "синих", обычно враждовавшие между собой, объединились в протесте против непосильных налоговых поборов и начали громить все на своем пути, постепенно приближаясь к императорскому дворцу. Начались пожары, от которых выгорел весь центр столицы, в том числе и соборная базилика Св. Софии. Юстиниан был в отчаянии и готов был бежать из города. Дело спасла мужская твердость Феодоры, буквально заставившей своего мужа остаться. Восстание было утоплено в крови отборными войсками под командованием победоносного генерала Велизария. Юстиниан начал перестройку всего сгоревшего центра Константинополя и заложил основы новой, прославившейся в веках Св. Софии. Он строил ее как "Великую церковь", церковь всех своих христианских подданных.

Как мы уже видели, еще во время правления Юстина Юстиниан пришел к убеждению, что теопасхитская формула "Один из Святой Троицы пострадал во плоти" должна быть принята всеми халкидонцами, чтобы снять с них подозрение в несторианстве, поэтому он включил ее в имперское исповедание веры, входившее в преамбулу к его "Кодексу", опубликованному в 528 г. Эта религиозная политика Юстиниана на Востоке была тесно связана с его военными проектами.

Юстиниан откупился от персов и обратил свои взгляды на Запад. В этом, конечно, была геополитическая ошибка: как показала история, Запад удержать было невозможно, да и куда выгоднее было бы иметь там ряд все более дружественных и признававших верховную власть императора варварских государств, а основная опасность для Империи лежала на Востоке. Но, как бы то ни было, военные кампании Юстиниана начались. В 533-534 гг. великий Велизарий разбивает вандалов и занимает Африку и Сеуту в Марокко.

В 534 г. Амаласунта была убита своим двоюродным братом Теодохадом, который провозгласил себя королем. Под предлогом мщения за ее смерть Велизарий в 535 г. вторгается в Италию. Первоначальные блестящие успехи сменились затяжной и чрезвычайно кровавой кампанией. Полностью Италия была отвоевана лишь в 561 г.

В 533 г. Юстиниан устроил диспут между православными и монофизитами. Каждая партия была представлена шестью епископами и рядом клириков и экспертов. Император председательствовал на третьей, заключительной сессии диспута, который прошел мирно, организованно и на высоком уровне.

Севириане признали, что Евтих был еретиком и что Диоскор, хотя лично и не отступил от православия, совершил ошибку, приняв его в общение в 449 г.; следовательно, император Маркиан имел достаточно причин для созыва нового Вселенского Собора в Халкидоне. Халкидонцы без возражений приняли теопасхитскую формулу. Однако разногласия по поводу Халкидонского ороса так и не были преодолены. Севириане: повторяли свои обычные возражения против "новизны" выражения "в двух природах", ибо Кирилл его не использовал, и против реабилитации на Халкидонском Соборе Феодорита и Ивы. Они приводили множество ссылок на святых отцов, таких как св. Афанасий, свв. папы Феликс и Юлий и св. Григорий Чудотворец. Халкидонцы отвергли эти ссылки как аполлинаристские подделки. Этот диспут вошел в историю еще и потому, что на нем монофизиты впервые сослались на писания "**блаженного Дионисия Ареопагита**", а православные выразили сомнение в их подлинности, так как они не были известны ни св. Афанасию, ни св. Кириллу, ни Никейскому Собору.

Итак, немедленных результатов диспут почти не принес: лишь один из монофизитских епископов присоединился к православию. Однако Юстиниан и Феодора воспользовались миролюбивой атмосферой, царившей на собрании, для следующих шагов, направленных на примирение с монофизитами. Юстиниан опубликовал два своих письма, в которых излагались его взгляды на религиозную ситуацию: одно - к предстоятелям всех главных Церквей (кроме Александрии, где царили монофизиты), а второе - к Епифанию Константинопольскому, впервые названному "Вселенским патриархом". Вновь подтвердив осуждение Нестория, Евтиха и Аполлинария, император торжественно провозгласил, что ни один из четырех Вселенских Соборов, в том числе и Халкидонский, не может быть вычеркнут из диптихов. Затем он санкционирует православное употребление теопасхитской формулы: "Один из Святой Троицы пострадал во плоти". Использование теопасхитского гимна "Единородный Сыне" было включено в устав евхаристического синаксиса в Константинополе:

"Единородный Сыне и Слове Божий, бессмертен сый, и изволивый спасения нашего ради воплотитися от Святыя Богородицы и Приснодевы Марии, непреложно вочеловечивыйся, распныйся же, Христе Боже, смертию смерть поправый, един сый Святыя Троицы, спрославляемый Отцу и Святому Духу, спаси нас".

Теопасхизм был включен в литургическое употребление и таким образом популяризован. Вспомним, что раньше то же проделали монофизиты, используя интерполированное Трисвятое. Но, в отличие от последнего, гимн "Единородный Сыне" не оставлял никаких сомнений, что "страдание" относилось к Сыну, а не к Святой Троице.

Феодора занялась "подборкой кадров". В феврале 535 г. она организовала избрание друга Севира Феодосия на александрийскую кафедру, а в июне того же года в патриархи Константинопольские был возведен сочувствующий монофизитам трапезундский епископ Анфим. Тогда же в Константинополь прибыл Севир и начал вести переговоры о мире. Похоже, он произвел неизгладимое впечатление на Анфима, и тот стал склоняться к монофизитству.

А в Александрии после избрания Феодосия разразился острый конфликт в монофизитском лагере. Последователи Юлиана Галикарнаского (**афтартодокеты**, см. ниже), возглавляемые диаконом Гайаном, отказались признать Феодосия. В Египет был отправлен знаменитый полководец Нерсес с 6-тысячным корпусом. Феодосий был утвержден на своем троне ценой жизни 3 тысяч гайанистов. Однако теперь он был настолько скомпрометирован и его позиция была настолько шаткой, что он вряд ли мог пойти на уступки, ожидаемые от него царственными супругами. Это был первый сбой.

Во-вторых же, и в главных, хитроумная политика Феодоры по обеспечению церковного единства оказалась неэффективной из-за неприятия ее римскими папами.

Во время, предшествовавшее высадке имперских войск в Италии, на папский престол не восходило ни одной выдающейся личности. Однако Юстиниан продолжал придавать громадное политическое значение римским епископам в силу своего видения единства Римской Церкви, в которой кафедра Ветхого Рима должна была иметь первенство чести, а также оттого, что этого требовали планы отвоевания Италии. В 534 г., накануне высадки византийского экспедиционного корпуса в Италии, высокопоставленная византийская делегация отправилась в Рим, чтобы добиться от папы Иоанна II (Юстиниан, обращаясь к нему, смиренно называл себя его "благочестивейшим сыном") формального отлучения от Церкви "неусыпающих монахов", бывших друзьями папского престола и главными противниками "теопасхизма" в Константинополе. Иоанн поддержал Юстиниана. Казалось, политика примирения, проводимая царственными супругами, продвигается успешно.

Однако в 535 г., когда уже началась высадка византийцев в Италии, папой был избран престарелый диакон Агапит, рукоположенный Симмахом, - продолжатель традиций пап Геласия и Феликса III. В том же году история повторилась - готский король Теодохад отправил Агапита в Константинополь с миссией уговорить императора отозвать Велизария из Италии. Конечно, эта миссия была заведомо безнадежна: Юстиниан, столь близкий к своей цели, не мог и не хотел соглашаться на условия готского узурпатора. Тем не менее папа был встречен со всей возможной пышностью. Именно тогда он обнаружил, что патриарх Анфим выступает с откровенно севирианских позиций. Ересь патриарха была обличена, и его моментально убрали с кафедры, а на его место папа выдвинул кандидатуру православного Мины, которого хиротонисал лично.

(Продолжение в №72)

Редактор: Протоиерей Максим Липунов
Выпуск подготовила: И.Н. Андраханова
Электронная почта: lipunov.net@mail.ru
Сайт прихода: kuz.prihod.ru
Адрес:
654250, Новокузнецкий р-н, пос. Кузедеево, ул. Советская, 25.
Тираж: 200 экз.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Просим Вас не употреблять эту газету в хозяйственных нуждах. Если она стала Вам не нужна, отдайте её другим людям, если стала ветхой, сожгите.